

Н. Дурново

**Диалектологические
разыскания в области
великорусских говоров. Часть
1. Южновеликорусское
наречие**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
Н11

Н11 **Н. Дурново**
Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Часть 1.
Южновеликорусское наречие / Н. Дурново – М.: Книга по Требованию, 2021. –
233 с.

ISBN 978-5-458-55444-2

Выпуск 1.

ISBN 978-5-458-55444-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

нижняго подъёма были редуцированы и лишь позднѣе измѣнялись въ части говоровъ (бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ) въ *и, у, о* п *а* послѣ твердыхъ, въ *и, у* п *а* въ началѣ слова и въ *и, е* п *а* послѣ мягкихъ; послѣднее измѣненіе (въ *а* послѣ мягкихъ) представляетъ уже переходъ въ иной типъ — сильное яканье.

8. Въ нѣкоторыхъ говорахъ редуцированныя гласныя 1-го предударнаго слога измѣнялись въ *у* и *ы* послѣ твердыхъ и въ *и* и *у* въ началѣ слова только въ словахъ съ ослабленнымъ удареніемъ, т. е. преимущественно въ словахъ частичныхъ и мѣстоименныхъ (мѣстоименіяхъ и мѣстоименныхъ нарѣчіяхъ), а въ остальныхъ случаяхъ переходили въ *а* или звуки близкіе къ *а*; подобнымъ же образомъ и редуцированная гласная 1-го предударнаго слога послѣ мягкихъ въ однихъ говорахъ вообще сохранялась или переходила въ *и* и *е*, въ другихъ говорахъ вообще измѣнялась въ *а* или звуки близкіе къ *а*, но въ словахъ съ ослабленнымъ удареніемъ (см. выше) переходила въ *и*.

9. Наиболѣе старыя соотношенія между предударными *а* и не—*а* послѣ мягкихъ сохранились въ диссимилятивномъ яканьѣ Задонскаго и Обоянскаго типовъ.

10. Диссимилятивное яканье Донскаго типа допускаетъ различныя объясненія своего происхожденія: 1) или оно возникло въ эпоху образованія диссимилятивнаго аканья вообще (оставляя въ сторонѣ вопросъ о судьбѣ гласныхъ предударныхъ послѣ твердыхъ и о времени перехода редуцированной гласной послѣ мягкихъ въ *и* въ яканьѣ Донскаго типа) въ такихъ восточнорусскихъ говорахъ, въ которыхъ дифтонги или долгія гласныя изъ старыхъ *о* подъ восходящимъ удареніемъ и *ъ* раньше этого сократились, а затѣмъ въ эпоху образованія аканья удлиннялись вмѣстѣ съ другими краткими ударяемыми гласными, 2) или оно возникло значительно позже, уже въ южновеликорусскомъ влѣдствіе аналогіи въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ дифтонги изъ старыхъ *о* подъ восходящимъ удареніемъ и *ъ* были утрачены и совпали съ *о* и *е* другого происхожденія, причемъ *о* изъ старыхъ *е* и *ъ* совпало по качеству съ *о* изъ старыхъ *о* и *ъ*.

11. Диссимилятивное яканье Жиздринского типа возникло въ бѣлорусской области. Возникновеніе его можно объяснять различно: 1) или оно развилось на почвѣ заимствованія диссимилятивного аканья сѣвернобѣлорусской діалектической группой съ Востока (т. е. изъ восточнорусскихъ говоровъ) до образованія бѣлорусскаго языка, 2) или оно вызвано утратой дифтонговъ изъ старыхъ *о* подъ восходящимъ удареніемъ и *ъ* и совпаденіемъ ихъ съ *о* и *е* другого происхожденія; въ послѣднемъ случаѣ оно могло сложиться и послѣ образованія бѣлорусскаго языка до перехода предударныхъ редуцированныхъ гласныхъ въ *ы* и *и*, замѣнивъ собою болѣе старое диссимилятивное аканье архаичнаго типа, унаслѣдованное сѣвернобѣлорусской діалектической группой отъ предыдущей эпохи.

12. Яканье Суджанскаго типа въ южновеликорусскихъ говорахъ развилось нефонетически изъ яканья архаичнаго типа послѣ утраты дифтонговъ (см. п. 5 а) и совпаденія *о* изъ *о* подъ восходящимъ удареніемъ съ *о* изъ старыхъ *о* подъ нисходящимъ удареніемъ и *ъ*, а *е* изъ *ъ* съ *е* другого происхожденія, но до совпаденія *о* изъ старыхъ *о* и *ъ* съ *о* изъ старыхъ *е* и *ь* и до перехода редуцированной гласной послѣ мягкихъ въ *и*; различіе между гласными въ положеніи передъ слогомъ съ *о* изъ старыхъ *о* и *ъ* съ одной стороны и слогомъ съ *о*, *е* изъ *е*, *ъ*, *ъ* съ другой стороны могло быть вызвано тѣмъ, что ударяемое *о* старое встрѣчается значительно чаще, чѣмъ *о* изъ *ъ*, и наоборотъ ударяемое *е* изъ *е*, *ъ* чаще, чѣмъ *е* изъ *ъ*, случаи же съ ударяемымъ *о* изъ *е* частью остались изолированными отъ аналогичныхъ вліяній вслѣдствіе несовпаденія такого *о* съ *о* другого происхожденія, частью же, быть можетъ, ассоціировались съ родственными образованіями съ ударяемымъ *е*.

13. Въ бѣлорусскихъ говорахъ яканье Суджанскаго типа является на мѣстѣ яканья Жиздринскаго типа подъ вліяніемъ южновеликорусскихъ говоровъ съ яканьемъ Суджанскаго типа; въ отличіе отъ чистыхъ южновеликорусскихъ говоровъ появленіе предударныхъ *а* и *и* передъ слогомъ съ гласными среднего

ударнаго *о* какъ послѣ твердыхъ, такъ и послѣ мягкихъ черезъ *а* и сохраненія или измѣненія въ *и* предударнаго *е* разнаго происхожденія; при этомъ предударное *а* не между мягкими сохранялось, а между мягкими въ однихъ говорахъ сохранялось, въ другихъ вытѣснялось гласною *е* или *и* (въ части говоровъ такое *а* еще до образованія яканья перешло въ *е* и затѣмъ имѣло ту-же судьбу, что и *е* другого происхожденія). Возникновеніе умѣреннаго яканья въ средневеликорусскихъ говорахъ относится ко времени до перехода *е* передъ твердыми шипящими въ *о*.

18. Яканье умѣренно-диссимилятивное и диссимилятивно-умѣренное представляютъ измѣненіе тѣхъ или другихъ типовъ диссимилятивнаго яканья подъ вліяніемъ умѣреннаго яканья. Оба типа яканья возникли послѣ отвердѣнія шипящихъ.

19. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье развилось на почвѣ диссимилятивнаго яканья безъ вліянія со стороны не только умѣреннаго, но повидимому и ассимилятивнаго яканья средневеликорусскаго типа.

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.
Апрѣль 1918 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Олденбургъ.

ТИПОГРАФІЯ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ (В. О., 9 лин., № 12).

В в е д е н і е.

Переходные говоры.

Изучая русскую діалектологию, мы не можемъ не замѣтить, что несмотря на рѣзкія различія между типичными представителями главнѣйшихъ русскихъ нарѣчій, мы почти нигдѣ не находимъ рѣзкой, сразу опредѣлимой границы между ними.¹⁾ Такія границы являются только между самымъ русскимъ языкомъ²⁾ и сосѣдними съ нимъ другими языками, какъ напримѣръ, между языками русскимъ и польскимъ или еще болѣе рѣзко между русскимъ и литовскимъ, и т. д. Правда, и въ этихъ случаяхъ между территоріями чисто польской или литовской и чисто русской существуетъ полоса, въ которой лица, говорящіе по-польски или по-литовски, перемѣшаны съ лицами, говорящими по-русски, гдѣ одни члены семьи говорятъ на одномъ языкѣ, другіе—на другомъ; наконецъ, вслѣдствіе того, что многіе знаютъ оба языка, являются смѣшанные языки. Но въ этихъ смѣшанныхъ языкахъ, русско-польскомъ, русско-литовскомъ и т. п. по большей части нетрудно установить, элементы какого языка являются преобладающими; въ остальныхъ же случаяхъ и подавно не можетъ быть сомнѣнія, на какомъ языкѣ говоритъ извѣстное лицо, и области распространенія того и другого языка могутъ быть точно опредѣлены несмотря на то, что границы ихъ не совпадаютъ, а перекрещиваются.

Въ предѣлахъ самого русскаго языка, даже между самыми крупными діалектическими группами мы такой рѣзкой границы по большей части не найдёмъ. Еще на границѣ между великорусскими и малорусскими говорами мы можемъ видѣть сходную картину вслѣдствіе того, что представители этихъ двухъ русскихъ народностей нерѣдко стараются держаться въ сторонѣ другъ отъ друга и сохраняютъ свой языкъ болѣе или менѣе свободнымъ

¹⁾ То-же явленіе, конечно, представляютъ и другіе языки, занимающіе болѣе или менѣе обширную территорію.

²⁾ Понимаю терминъ „русскій языкъ“ въ широкое значеніе, какъ совокупность всѣхъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ говоровъ, сознавая нѣкоторую неясность этого термина по отношенію къ настоящему времени: теперь удобнѣе было бы говорить не о русскомъ языкѣ (въ этомъ смыслѣ), а о русскихъ языкахъ.

отъ вліянiя со стороны языка ихъ сосѣдей. Но такая устойчивость въ сохраненiи діалектическихъ различiй между великорусскими и малорусскими говорами замѣчается далеко не на всей границѣ между ними, и мы встрѣтимъ здѣсь и переходные говоры съ малорусской основой и южновеликорусскими наслоенiями, которые дѣлають эту границу менѣе рѣзкой. Что касается остальныхъ пограничныхъ областей между говорами, принадлежащими къ разнымъ діалектическимъ группамъ въ предѣлахъ одного русскаго языка, то въ нихъ замѣчается обыкновенно постепенный переходъ отъ одного чистаго діалектическаго типа къ другому, причемъ такіе „переходные“ говоры занимають болѣе или менѣе широкую полосу. Что же такое представляютъ собою эти переходные говоры, какъ они возникаютъ и въ какомъ отношенiи стоятъ къ говорамъ чистымъ, непереходнымъ? Считаю нужнымъ останоиться подробнѣе на этихъ вопросахъ въ виду того, что не могу не замѣтить различiя между моими взглядами¹⁾ на эти вопросы и тѣми взглядами, какіе были впервые высказаны Юг. Шмидтомъ²⁾ и въ настоящее время раздѣляются многими учеными, повторяясь между прочимъ полностью или отчасти и въ нѣкоторыхъ общихъ пособіяхъ по языковѣдѣнію³⁾.

По теорiи Шмидта каждая діалектическая особенность, воз-

¹⁾ „Мои“ взгляды не являются, конечно, только моими. Ср. статью Н. Н. Соколова „Опредѣленіе и обозначеніе границъ русскихъ говоровъ“, въ 1 в. Тр. М. Д. К., затѣмъ составленный Н. Н. Соколовымъ, Д. Н. Ушаковымъ и мною „Опытъ діалектологической карты русскаго языка въ Европѣ“... (Тр. МДК. в. 5), §§ 2 и 3, а также, до нѣкоторой степени VIII главу введенiя проф. А. И. Белина къ его книгѣ „Діалекты источни и южне Србије“, Београд 1905 (Српски дијалектолошки Зборник, кн. 1).

²⁾ Joh. Schmidt. Verwandschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar 1872.

³⁾ Ко взглядамъ Шмидта примыкають между прочимъ А. Meillet (см. его Les dialectes indo-européens, Paris 1908 и Введеніе въ сравнительную грамматику индо-европейскихъ языковъ—русскій переводъ проф. Д. Н. Кудрявскаго, изд. 2, Юрьевъ 1914) и акад. А. И. Соболевскій (О русскихъ говорахъ вообще и бѣлорусскихъ говорахъ въ частности, въ Изв. 2 АН. 1914, II; Древне-Кіевскій говоръ, тамъ же 1905, I и др.); съ извѣстными видоизмѣненiями принимаютъ положенiя Шмидта Лескинъ (Die Deklination im Slavisch-Litauischen und Germanischen, 1876), И. В. Явичъ (Arch. Sl. Ph. VIII 134—135; Ein Kapitel aus der Geschichte der südslavischen Sprachen въ Arch. Sl. Ph. XVII. 47 сл., XIX. 276 сл.; Verwandschaftsverhältnisse innerhalb der Slav. Sprachen въ Arch. XI. 13 сл., XXII. 11 сл.) и мн. др. Въ „Общемъ языковѣдѣніи“ проф. А. И. Томсона (изд. 2, Од. 1910) вопросъ о возникновенiи діалектовъ и языковъ (стр. 362 сл.) изложенъ согласно взглядамъ Шмидта и Мейе; въ меньшей степени, но все же отражается вліянiе тѣхъ же взглядовъ на изложеніи этого вопроса во „Введенiи въ языковѣдѣніе“ проф. В. К. Порозженскаго (изд. 4. М. 1916, стр. 203—204).

нижающая въ любомъ пунктѣ области, занятой говорящими на одномъ языкѣ, можетъ распространяться въ предѣлахъ этого языка во всѣхъ направленіяхъ, вслѣдствіе чего въ говорахъ одного языка возможны перекрестныя вліянія: одинъ и тотъ же говоръ можетъ испытывать *одновременно* вліяніе съ разныхъ сторонъ, благодаря чему въ немъ въ одно и то же время могутъ развиваться съ одной стороны черты, общія ему съ однимъ изъ сосѣднихъ говоровъ, съ другой—черты, сближающія его съ другимъ сосѣднимъ говоромъ, но не распространяющіяся на первый; при этомъ каждый говоръ можетъ одновременно вліять на сосѣдніе говоры и подвергаться вліянію со стороны тѣхъ же сосѣднихъ говоровъ. Поэтому чистыхъ діалектическихъ типовъ по теоріи Шмидта и его послѣдователей не существуетъ: каждый говоръ является переходнымъ отъ однихъ сосѣднихъ говоровъ къ другимъ, составляя лишь одно звено въ непрерывной цѣпи діалектовъ. Съ точки зрѣнія этой теоріи представляется даже неудобнымъ дѣленіе языка на нарѣчія и говоры, опредѣляемые извѣстной совокупностью чертъ, потому что области распространенія отдѣльныхъ діалектическихъ чертъ въ языкѣ вообще не совпадаютъ: эти черты возникаютъ часто независимо одна отъ другой, въ разныхъ пунктахъ и усваиваются говорящими не съ одинаковой легкостью¹⁾. Съ теченіемъ времени, съ возникновеніемъ государственныхъ центровъ и общегосударственныхъ и литературныхъ языковъ, съ обособленіемъ одной группы говорящихъ на извѣстномъ языкѣ отъ другой, нѣкоторые говоры могутъ получать преобладаніе и вытѣснять другіе говоры, благодаря чему образуются рѣзкія границы между отдѣльными языками вмѣсто прежняго незамѣтнаго перехода. Такимъ образомъ, по этой теоріи, значеніе культурныхъ центровъ въ развитіи языка и въ образованіи говоровъ сводится къ тому, чтобы давать преобладаніе одному говору передъ другими и подавлять развитіе этихъ другихъ говоровъ. Самаго же образованія говоровъ эта теорія не объясняетъ: тѣ или другія діалектическія черты возникаютъ какъ то сами собой и получаютъ распространеніе только въ силу сосѣдства говоровъ въ любомъ направленіи.

Я думаю, что представители рассматриваемой теоріи не совсѣмъ

¹⁾ Ясно, что при такомъ взглядѣ на діалектическое дробленіе языка діалектологическій обзоръ языка и діалектологическія карты должны сводиться лишь къ указанію распространенія отдѣльныхъ діалектическихъ чертъ. Такой принципъ и приводится у *Gillieron* и *Edmont* въ ихъ „Atlas linguistique de la France“ у *К. Нича* въ *Proba ugrupowania gwar polskich* (Poradnik językowy 1910, X) и *Мова ludu polskiego* (Kraków 1911), у *Младенкова* (Росп. Sl. IV и V); на проведеніи того-же принципа настаиваетъ и *А. П. Соболевскій* въ назв. выше статьяхъ и въ *ЖМНП*. 1915, июнь.

правильно оцѣниваютъ роль культурныхъ центровъ въ образованіи діалектическихъ различій въ языкѣ. Ихъ роль должна быть признана болѣе значительною. Та или другая діалектическая черта получаетъ возможность болѣе или менѣе широкаго распространенія и можетъ удержаться въ языкѣ только при поддержкѣ извѣстнаго культурнаго центра, даже чуть ли не только тогда, когда она возникаетъ въ извѣстномъ пунктѣ, являющемся культурнымъ центромъ для того или другого района; поэтому распространеніе діалектическихъ чертъ тѣсно связано съ райономъ тяготѣнія къ одному культурному центру; при отсутствіи такихъ центровъ, объединяющихъ извѣстныя группы населенія, какая-нибудь діалектическая особенность, возникающая въ одной деревнѣ, неспособна получить дальнѣйшее распространеніе: случайно она можетъ быть занесена за предѣлы той ограниченной мѣстности, гдѣ она возникла, напримеръ, путемъ браковъ и т. п., но не можетъ удержаться надолго. Если же для распространенія той или другой діалектической черты необходимо тяготѣніе извѣстныхъ группъ населенія къ одному культурному центру и связанное съ этимъ обособленіе этихъ группъ отъ другихъ, имѣющихъ тяготѣніе къ другимъ центрамъ, то ясно, что одновременное проникновеніе въ одинъ говоръ діалектическихъ чертъ изъ разныхъ центровъ, предполагаемое теоріей волнъ, можетъ являться лишь въ исключительныхъ случаяхъ; дѣйствительно, хотя съ такими случаями и приходится иногда считаться, но они очень рѣдки и нетипичны ¹⁾. Такъ же отрицательно слѣдуетъ отнестись въ такомъ случаѣ и къ возможности перекрестнаго вліянія говоровъ другъ на друга: при тяготѣніи населенія къ одному культурному центру распространеніе извѣстныхъ діалектическихъ чертъ можетъ идти только отъ центра, а не наоборотъ. Въ то же время при такомъ пониманіи значенія культурныхъ центровъ слѣдуетъ признать, что отдѣльныя діалектическія черты въ языкѣ въ своемъ образованіи и распространеніи не могутъ стоять особнякомъ, а должны группироваться по говорамъ и нарѣчіямъ, области которыхъ совпадаютъ съ областями тяготѣнія населенія къ разнымъ центрамъ. Самое образованіе такихъ діалектическихъ единицъ—

¹⁾ Впрочемъ, въ одномъ случаѣ возможно вліяніе на одинъ и тотъ-же говоръ, идущее изъ разныхъ центровъ. Это бываетъ тогда, когда одинъ изъ этихъ центровъ стоитъ въ подчиненномъ отношеніи къ другому, т. е. входитъ (конечно, вмѣстѣ со всѣмъ тяготеющимъ къ нему райономъ) въ область вліянія этого другого центра. Въ такомъ случаѣ говоръ, находящійся въ районѣ вліянія перваго изъ этихъ центровъ, можетъ испытывать вліяніе и со стороны второго. Но, кажется, обычно вліяніе со стороны болѣе крупнаго центра распространяется не помимо мелкихъ центровъ, а черезъ ихъ посредство, и такимъ образомъ встрѣчу двухъ вліяній слѣдуетъ считать явленіемъ болѣе рѣдкимъ.

говора, нарѣчія, наконецъ языка—стоитъ въ связи съ образованіемъ культурнаго центра, объединяющаго извѣстныя группы населенія, и съ обособленіемъ этихъ группъ отъ другихъ группъ, тяготеющихъ къ другимъ культурнымъ центрамъ¹⁾: вокругъ мелкихъ центровъ—торговаго села, фабрики, монастыря и т. п.—группируются отдѣльные говоры; крупные областные центры иногда содѣйствуютъ образованію нарѣчій; наконецъ выдѣленіе извѣстныхъ областей въ цѣлыя государства способствуетъ созданію языка. Существованіе рѣзкихъ границъ между двумя родственными языками безъ переходныхъ говоровъ между ними даже при ихъ исконномъ сосѣдствѣ находитъ себѣ объясненіе въ долговременной обособленности этихъ языковъ и не заставляетъ непременно предполагать, что переходные говоры между ними были, но вытѣснены другими говорами.

Если бы культурные центры, равно какъ и границы районовъ тяготенія къ этимъ центрамъ оставались постоянными, то не только между самостоятельными языками, но и между нарѣчіями и говорами одного языка должны были бы быть рѣзко очерченныя границы, совпадающія съ границами районовъ тяготенія къ разнымъ центрамъ и съ границами областными и государственными. Но въ исторіи народа торговые и прочіе культурные центры переносятся; районы тяготенія населенія къ тому или другому центру мѣняются; измѣняются и границы государствъ; наконецъ происходятъ переселенія и т. д.; все это не можетъ не вызвать и измѣненій въ отдѣльных говорахъ и ихъ соотношеніи между собою, причемъ возможно, что одинъ и тотъ же говоръ въ разное время испытываетъ прямо противоположныя вліянія. Такъ, восточнорусское нарѣчіе²⁾ древнѣйшей эпохи, прежде чѣмъ образовало одинъ языкъ съ сѣвернорусскимъ нарѣчіемъ (именно,—языкъ великорусскій), стояло ближе къ южнорусскимъ говорамъ, отъ которыхъ въ послѣдствіи рѣзко обособилось; въ составъ нынѣшняго бѣлорусскаго языка вошли между прочимъ говоры, нѣкогда близкіе частью къ сѣвернорусскимъ, частью къ восточнорусскимъ говорамъ, въ слѣдствіе того, что эти говоры оторвались отъ родственныхъ имъ сѣверныхъ и восточныхъ говоровъ и примкнули къ южнорусскимъ говорамъ; въ послѣдствіи значительная часть бѣлорусскихъ говоровъ вновь подверглась вліянію со стороны великорусскихъ. Понятно, что въ тѣхъ областяхъ, гдѣ говоры въ теченіе одного періода входятъ въ

¹⁾ Ср. у Белина въ н. с. стр. LXXXI: „Безъ цѣпанья—нема дијалеката, безъ заједничкогъ живота—нема дијалекатске целине“.

²⁾ Пользуюсь терминологіей акад. А. А. Шахматова (см. Курсъ исторіи русскаго языка и Очеркъ древн. періода исторіи русскаго яз., Петроградъ 1915).

одну диалектическую группу, а въ слѣдующій періодъ подвергаются вліянію со стороны говоровъ другой диалектической группы, могутъ образоваться говоры, пропзводящіе впечатлѣніе промежуточныхъ или переходныхъ, такъ какъ заключаютъ особенности обѣихъ диалектическихъ группъ, къ которымъ они примыкали въ разное время. Кромѣ того, въ районѣ тяготѣнія къ одному центру, это тяготѣніе въ мѣстахъ, расположенныхъ ближе къ центру,¹⁾ можетъ выражаться сильнѣе, чѣмъ далыне отъ центра, и такимъ образомъ является какъ бы постепенный переходъ отъ говоровъ одного типа къ говорамъ другого типа.

Если въ одну общественную группу съ сильной централизацией въ предѣлахъ ея входятъ части населенія съ различными диалектами или языками, то одинъ изъ нихъ непременно стремится къ вытѣсненію другого; такимъ диалектомъ или языкомъ является языкъ болѣе сильной въ культурномъ отношеніи части населенія. Вытѣсненіе одного диалекта въ такомъ случаѣ происходитъ медленно и можетъ въ концѣ концовъ не произойти, но и въ послѣднемъ случаѣ вліяніе одного диалекта на другой обязательно должно сказаться. Въ характерѣ этого вліянія различаютъ²⁾ два случая: языкъ болѣе сильной въ смыслѣ способности ассимилировать себѣ части населенія представляется другой части населенія чужимъ языкомъ; въ такомъ случаѣ усвоеніе этого языка будетъ состоять только въ усвоеніи отдѣльныхъ словъ, оборотовъ и, рѣже, морфологическихъ элементовъ; получается такимъ образомъ сначала смѣшанный языкъ; при этомъ смѣшанный характеръ, но въ меньшей степени, можетъ пріобрѣтать и языкъ болѣе сильной части населенія, усваивая тоже нѣкоторыя слова изъ языка другой части населенія. Что касается фонетическаго строя языка, то та часть населенія, которая подпадаетъ подъ вліяніе другой части, первое время вноситъ особенности своей фонетики въ заимствованныя изъ другого языка слова, а въ своихъ словахъ сохраняетъ въ неповрежденномъ видѣ свою фонетику, и только впослѣдствіи, когда представители этой части населенія привыкаютъ говорить на чужомъ языкѣ, они могутъ измѣнять произношеніе словъ своего языка примѣнительно къ усвоенной и ставшей для нихъ привычной новой артикуляціи органовъ про-

¹⁾ „Ближе“, конечно, не въ географическомъ смыслѣ, а въ смыслѣ болышей доступности сношеній. Мѣстность въ 100 верстахъ отъ города по желѣзной дорогѣ въ этомъ смыслѣ ближе къ городу, чѣмъ мѣстность въ 70 верстахъ по шоссе, и 100 верстъ по шоссе иногда ближе, чѣмъ 100 в. проселкомъ.

²⁾ А. Мейе Введеніе въ сравнит. грамм. индо-европ. яз., русскій переводъ, изд. 2-е, стр. 24—27 (гл. первая, I. 2.); А. Томсонъ. Общее языковѣдѣніе, изд. 2, стр. 259—260, 267—271 (гл. VI, §§ 3 и 5); Н. Н. Соколовъ. Опредѣленіе и обозначеніе границъ русскихъ говоровъ.